

Те самые профессии: шкалы престижа и рамки публичности

Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов

Публичная дискуссия о профессионализме оформляется и направляется различными мотивами ее участников, институциональными интересами и идеологиями. Такая дискуссия подчас становится полем битвы всех против всех за цеховую, или корпоративную исключительность, за обладание авторитетом и полномочиями. На это поле выступают колонны классических профессионалов в блестящих доспехах, здесь горнисты трубят славу альтруизму, особым знаниям и независимости своим рыцарям. Дорогу им пересекают представители клиентов – политические партии и организации гражданского общества, которые осыпают рыцарей градом стрел-обвинений в злоупотреблении профессионалами исключительным статусом, уличают их в эгоизме и несоблюдении этики, требуют передать контроль вовне, клиентам. Навстречу мощными рядами движется государственная бюрократия, которая жаждет

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проектов «Идеологии профессионализма в социальном государстве» и «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, гранты № 12-05-0007 и № 12-05-0012.

сделать профессионалов более управляемыми, эффективными и послушными, однако не желает делиться властью с гражданским обществом, и, кроме того, стремится экономить на этом контроле и средствах его достижения (и в этом смысле автономия профессионалов является вполне экономичным решением). Наконец, на этом поле брани заметно выделяется пестрая толпа журналистов, представляющих разнообразные формы СМИ – от классических до современных, сетевых. Ни для кого не секрет, что в их рядах можно обнаружить не только искренних критиков системы, разоблачителей и борцов против злоупотреблений. Здесь довольно много и тех, кто работает винтиками системы, ангажированными властью для решения прагматических задач – настроить общественное мнение и оправдать отставку того или иного начальника и его окружения, легитимировать массовые увольнения или непопулярные меры социальной политики, переместить недовольство провалами социальных реформ с тех, кто их проектировал в коридорах министерств, – на тех, кто их воплощал в школах и поликлиниках.

Вся эта политическая по своей природе борьба за право управлять услугами, осуществлять контроль на рынке труда не только вовлекает все участвующие группы профессионалов, администраторов, клиентов и других участников в разнообразные формы конфликта друг с другом, но и создает условия для союзов и солидарностей – как внутрицеховых и корпоративных, так и между отдельными группами. Пусть и временные, такие межгрупповые и межсекторные альянсы способны поменять повестку дня, выдвинуть новые приоритеты в острых публичных дискуссиях.

На поле брани можно различить и других, менее значимых агентов, которые принимают участие в атаках и возведении фортификационных сооружений, – например, экспертов в области рынка труда и общественного мнения, оказывающих влияние на восприятие социумом тех или иных профессий, работ, видов деятельности как престижных, статусных, достойных уважения – или опасных, уязвимых, забавных. Создавая и наполняя публичную сферу, эти агенты дают жизнь таким конструктам, как «самая выгодная» или «самая стрессовая» работа, «самая уважаемая» или «самая бесполезная» профессия. Производство и переосмысление экспертами и публикой сциентистских конструктов отражает процессы, идущие сегодня в образовании, на рынке труда и в сфере регуляции занятости и профессиональной деятельности.

Мы собираемся обсудить здесь те поступающие от рынка труда и от государства противоречивые сигналы, которые влияют на процессы профессионализации, ослабляют традиционные формы само-

регуляции, делают неустойчивыми классические модели воспроизводства групп занятости, ослабляют их интеграцию и, в конечном итоге, повышают зависимость от бюрократии и рыночного производства. Мы покажем, что публикуемые аналитиками шкалы престижа, рейтинги доверия, пирамиды, классификации и даже формулы профессий – это выражение социальных иерархий, построенных на субъективных показателях, т.е. на мнениях публики, которые в свою очередь основаны на восприятии публичного образа профессий. Кроме того, важным представляется обратить внимание на скрытый от постороннего взгляда внутренний мир сообществ профессионалов, где производятся и воспроизводятся условия коллективной идентичности, солидарности. Этот приватный мир проявляется в публичных практиках, в репрезентациях и оказывает непосредственное влияние на то, как взаимодействуют эти группы с клиентами и обществом, как оценивается качество оказываемых ими услуг или производственной деятельности, как приспосабливаются к меняющимся требованиям рынка труда.

Шкалы престижа

Престиж профессий выступает субъективным критерием стратификации, рассчитываемым по данным опросов общественного мнения (например, в США традиция расчета шкал престижа профессий восходит к 1940м годам: см. North, Hart, 1949; Treiman, 1977); в аспекте восприятия разными социальными группами статуса тех или иных родов занятий. Фактически, такие исследования профессий, как полагал Э.Ч. Хьюз – классик социологии и социальной антропологии профессий, автор программы изучения профессий, основанной на качественных методах [статья В.Г. Николаева в этой книге] выдвигают на первый план социальную мобильность: изучая место профессии в различных шкалах престижа (измеряя, в том числе, прибыль, общественную пользу, доверие, стрессогенность), представленные рейтинги, по сути дела, пытаются влиять на решение «молодых обывателей» овладеть той или иной специальностью и попытаться счастья на тех или иных траекториях карьеры [статья Э.Ч. Хьюза «Профессии в обществе» в этой книге].

В детстве мы мечтали быть врачами и учителями, летчиками и космонавтами, актерами и поварами, водителями и строителями... Требования рынка, возможности и позиции наших родителей, доступность образования, рабочих мест и масса других условий повлияли на наш выбор того, кем мы могли бы стать и на то, кем мы стали сейчас. По данным ФОМ, 23% респондентов работали ранее или

работают сейчас по профессии своей детской мечты. Почти каждый шестой (15%) из опрошенных хотел бы стать медиком, а стал рабочим (17%), многие видели себя среди учителей или воспитателей, а работают в этой сфере лишь 4% [Куда приводят мечты... 2011]. При этом список видов занятий попавших в выборку людей очень сильно разнится с рейтингами «самых востребованных» и «самых перспективных» профессий [10 самых востребованных ...; Самые востребованные ...; Самые перспективные профессии...].

Общественное мнение фактически рассматривается здесь как выражение общественного интереса [Saks, 1995]. Но общественное мнение производится не только и не столько общественностью, сколько силами рынка и государства. Судя по этим рейтингам, работодателям срочно нужны менеджеры и экономисты, маркетологи и специалисты по связям с общественностью, специалисты в области информационных, био- и нанотехнологий, экологи и инженеры, логисты и медики, химики и работники сферы обслуживания, офисные работники, бухгалтеры и юристы. Реже упоминаются строители с высшим образованием, квалифицированные рабочие специальности. Идеология рынка вообще рисует широкие возможности любому человеку как «предпринимателю, реализующему свой человеческий капитал, будь то уличный продавец тортилий в Мехико или креативный работник с ноутбуком в Лондоне или Москве» [Райдер, 2012]. Считается, что «мир оцифровывается», и рейтинг BestJobs 2012 года в США, например, начинают профессии в области математики и компьютерных технологий, естественных наук и здравоохранения [Brienza, 2012].

Однако самими массовыми и распространенными являются все не рабочие места из сферы высоких технологий, а низкоквалифицированный обслуживающий труд – даже в развитых экономиках стран первого мира. Неолиберальные сдвиги в экономике привели не только к демонтажу социального государства в самых широких масштабах, но и к серьезным изменениям в структуре и характеристиках рынка труда [Райдер, 2012]. Это выражается в росте самозанятости, расширении сферы применения индивидуальных и краткосрочных контрактов с одной стороны, а с другой – в отказе от коллективных договоров и социальных гарантий, снижении влияния профсоюзов, информализации занятости, угрозе безработицы. Все это обозначается понятиями флексибилизации и прекаризации, имеет следствием уменьшение социальной солидарности, социальной защищенности работников из самых различных секторов экономики, особенно в условиях глобальной рецессии. Под давлением макроэкономических и макросоциальных факторов (а также стрес-

сов, испытываемых непосредственно на работе, о чем речь пойдет ниже), все большее число людей делают выбор в пользу дауншифтинга, далеко не всегда означающего отдых богачей на Гоа, а чаще всего – переезд в сельскую местность, где продолжается работа фрилансером или начинается новая карьера [см. статью Р. Кононенко в этой книге].

Многие привычные представления о профессиях, удобные идеологии и мифы – будь то западные или отечественные – сегодня оказались вывернутыми наизнанку. Примерами таких статусных перевертышей, рассказами об «оборотнях» – в погонах, белых халатах или мантиях – пестрят выпуски новостей, сообщения в блогах, не говоря о сюжетах телесериалов и ситкомов. Журналисты и блоггеры упрекают врачей, полицейских, учителей и даже священнослужителей в стяжательстве, получая в ответ обвинения в непрофессионализме. Растущий объем «экспертных» знаний, которые могут приобрести обычные граждане посредством образования, Интернета и литературы по самопомощи, – это лишь часть уравнения. Медиа срывают вуаль с автономии, которую носят ученые или политики (или другие СМИ), раскрывая их связи с группами влияния и корпорациями. Институциональный скептицизм и профессиональная конкуренция ведут к открытым конфликтам между и внутри экспертных систем: большие индустрии и профессии редко являются монолитными силами, которые выступают с солидными партиями. Все это создает в обществе большую неопределенность и смятение среди простых граждан [Goode, 2005. P. 125, 126].

Критическая дистанция по отношению к авторитетам и срывание масок – это признак взросления общества, но его цена – ослабление ощущения уверенности и порядка, растущее ощущение неустойчивости и риска [Dent, Whitehead, 2002. P. 1]. Фиксированные смыслы «профессионала» как символа социального порядка, человека с положением в обществе, независимого и добропорядочного, того, кому доверяешь, кто отвечает за наше благополучие, – постепенно размываются. Изменяется и структура группы, особенно в постсоциалистических странах, где государство продолжает играть ключевую, хотя и неоднозначную роль в процессах регуляции и профессионализации [см статью Р. Мровчински в этой книге].

Моральные паники и медийные конструкты об исчезновении профессионализма усиливают озабоченность общества этими проблемами. Что же и кто приходит на смену старорежимному профессионалу, с его эксклюзивностью, привилегированностью и надежностью? И к чему ведут такие трансформации? Утратив свойство исключительного и редкого явления; профессионализм теперь ожида-

ется от всех и повсюду. Но хотя понятие «профессионал» и было подвергнуто существенному переопределению, все же смыслы статусных привилегий, специализированных компетенций, автономии и доверия отнюдь не исчезли полностью из его семантического поля.

Параллельно с пересмотром этого понятия стал необыкновенно популярен дискурс менеджериализма, и быть профессиональным теперь означает быть под контролем, исполнять предписанные задачи в соответствии с критериями качества и эффективности. Практически не осталось такой области организационной (и следовательно профессиональной) жизни, которая бы не была подвергнута растущим и усложняющимся режимам подотчетности – будь то в государственном, бизнес- или неправительственном секторе. Профессионал не может ускользнуть из этих режимов, постоянно оказываясь под контролем или контролируя других [Dent, Whitehead, 2002]. Контроль усиливается за счет растущей публичности профессиональной жизни. Повышается открытость, заметность группы, ведется специальная имиджевая политика, «жизнь напоказ», а следовательно, растет роль тех, кто специализируется на создании публичного образа профессии – социологов, специалистов по связям с общественностью, журналистов. Вот как пишет Хьюз [статью Э.Ч. Хьюза «Профессии» см. в этой книге] о способах удовлетворения потребности профессионалов в общественном признании:

Профессионалы будут становиться более чуткими к внешнему мнению и, подобно другим организованным группам, будут нанимать специалистов по связям с общественностью, чтобы те выполняли для них эзотерическую услугу по созданию удовлетворительного публичного образа в прессе, на телевидении и в учебных заведениях, где молодые люди узнают об открытых для них карьерах.

Публичные представители профессии – специалисты по связям с общественностью – это витрина, в которой выставляются напоказ приглашенные и приукрашенные образы [Warner, 1992. P. 388]. Публичность, когда-то позволившая усилить оппозицию «секретной политике монархов», сейчас стала использоваться для того, чтобы рыночные агенты могли зарабатывать «публичный престиж». Пресса, реклама продвигают интересы конsumerизма, создавая имитацию публичной сферы, которая превратилась в инструмент для производства престижа [Resnik, Curtis, 2011. P. 300]. Казалось бы, пространство публичных дебатов постоянно расширяется, но рационально-критическое обсуждение, организованное в профессиональных дискуссиях с подиума в форме ток-шоу, обретает товарную

форму, становясь одним из приемов повышения популярности телеили радиозвезд; при этом дискуссия формализуется, ограничивая публичную полемику заранее заданными правилами игры; и публицистическая функция подобной дискуссии подменяется социально-психологической функцией, успокаивая, вместо побуждения к действию [Habermas, 1991. Р. 164]. И компетентность высокоспециализированных профессионалов уклоняется от публичной сферы, от контроля граждан, ведущих рационально-критическую дискуссию.

По Хьюзу, у любой профессии есть лицензия и мандат, чтобы вести определенную деятельность, отличающуюся от остальных, и создавать в обществе запрос на их услуги. Профессионалы не только говорят, что для людей хорошо и правильно, но и устанавливают правила, как нужно думать о проблемах, попадающих в сферу их компетенции. В современных обществах с развитым разделением труда такой обмен между профессионалами и гражданами основан на отношениях доверия [Dingwall, 2008. Р. 67]. Хотя профессионалам по-прежнему доверяют, однако уровень доверия сильно колеблется. Около 10 лет назад радио BBC попросило слушателей назвать наиболее и наименее *уважаемые профессии* в стране. В мае 2002 года по ответам 6722 человек был составлен рейтинг, который в порядке убывания возглавляют: врач, медсестра, учитель, пожарник, парамедик. В свою очередь, антирейтинг возглавляют депутат парламента, риэлтор, государственный чиновник, юрист, журналист [Dave King, 2011]. В основе доверия публики, то есть потребителей услуг, к профессионалам, очевидно, находится социальный капитал профессии, соблюдение этики в практике работы. И хотя есть множество ярких примеров важных расследований и даже профессиональных подвигов, репутация журналистов, милиционеров или полицейских невысока.

По данным опроса, проведенного в марте 2011 года Фондом «Общественный вердикт» совместно с Аналитическим центром Юрия Левады, более половины респондентов (60%) не доверяют милиционерам (полицейским), а доверять им склонны почти 35% граждан [35% граждан... 2011]. Еще большее количество пользователей социальных сетей (порядка 79%, из них почти 72% пришлось на аудиторию Facebook) не доверяют действиям сотрудников МВД и системе правопорядка в целом [Доверие к МВД... 2012]. Предыдущий замер уровня доверия был сделан в 2010 году, и за весь период ежегодных измерений (начиная с 2004 года) эти показатели практически не менялись [Россияне не доверяют... 2010].

Интересно, что в поисках опросных данных о доверии полиции в момент написания этого текста мы в первую очередь нашли две

новости. Первая связаны с планами МВД России провести социологическое исследование о доверии полиции на сумму более семи миллионов рублей. А вторая – о данных ВЦИОМ, в соответствии с которыми уровень доверия населения к органам внутренних дел в вопросах обеспечения личной и имущественной безопасности вырос с 33% в 2009 году до 52% в 2011 году [Опрос... 2011]. Фактически, мы должны вести речь о статусе и общественном доверии не только в отношении полиции, но и к тем социологам и PR-специалистам, которые создают «образ жизни» профессионалов. В свою очередь, по данным ежегодного общеевропейского опроса «Марка доверия», проводимого «Ридерз Дайджест» [Доверие 2011], в 2011 году самый высокий рейтинг доверия был у пожарных и летчиков, а 80% россиян не доверяют полиции (опрос в целом охватил более 33 тысяч человек в 16 странах).

Доверие представителям разных профессий

[%, по данным опроса Ридерз Дайджест: см. Доверие 2011]

	в России	в среднем по Европе
Медсестры/сиделки	58	84
Фармацевты	56	84
Врачи	51	81
Метеорологи	30	60
Полиция	19	59
Судьи	29	46
Священнослужители	55	39
Турагенты	25	35
Журналисты	16	29
Финансовые консультанты	37	28
Лидеры профсоюзов	15	24
Футболисты	41	19

Сравнение российских и европейских данных в этом опросе подтверждает известный тезис о том, что в российском обществе в целом ниже, чем в других странах, уровень институционального доверия. Профессии тут не исключение: почти всем им россияне доверяют меньше, чем европейцы. Показательны различия в уровне доверия классическим профессиям – врачам и юристам (судьям) – здесь очень существенные различия, что указывает, на наш взгляд,

на серьезные проблемы утраты легитимности представителей этих социальных групп в глазах общественности и, вероятно, неспособности отечественных медиков и правоведов справиться с этими проблемами. При этом третья классическая занятость – священники – заслужила значительно большее доверие, чем в Европе (как и футболисты и финансовые консультанты).

И если с футболистами ситуация более или менее понятна – футбол в России в 2000-х стал своеобразной интегрирующей национальной идеей на фоне нескольких успешных выступлений на международных турнирах, то в отношении священников и финансовых консультантов можно предположить, что эти группы профессионалов сравнительно недавно вышли в публичное пространство и обе ассоциируются с разного рода чудесами, в которые так хотят верить постсоветские люди.

О пользе и вреде профессионалов для общества

Разделение труда, как объяснял Адам Смит, порождает благосостояние, поскольку позволяет выгодно экономить время на переход от одного вида работы к другому, обменивая продукты труда разных людей между собой: «Эта склонность к обмену не только создает различие способностей, столь заметное у людей различных профессий, она также делает его полезным» [Смит, 2007. С. 79]. Но равноценен ли по своей общественной пользе продукт, произведенный представителями разных профессий?

В Великобритании провели исследование *полезности профессий* для общества [A Bit Rich... 2009]. Шесть профессий, кардинально различающиеся по размеру заработной платы и социальному статусу, были оценены с точки зрения приносимой обществу пользы. Для этого использовались приемы оценки социального возврата инвестиций (Social Return on Investment analysis), чтобы просчитать общественную, средовую и экономическую ценность того, что производится или разрушается той или иной профессией. Для анализа были выбраны те профессии из государственного и частного секторов, которые являются наиболее показательными для задач исследования: три профессии с наименьшей оплатой труда – уборщик в больнице, работник перерабатывающего завода и воспитатель или няня; другие три – банкир с максимальной оплатой, рекламный агент и бухгалтер по налогообложению. Престижные профессии по своей полезности сильно проиграли своим оппонентам. В частности, исследование показало, что фактически банкиры получают вознаграждение за вклад в коллапс мировой финансовой системы. Полу-

чая годовую зарплату от 500 тыс. до 10 млн фунтов стерлингов, ведущие лондонские финансисты на каждый фунт создаваемой обществу пользы наносят на семь фунтов общественного ущерба. Еще более вредоносными оказались бухгалтеры по налогообложению, способствующие недополучению общественными фондами средств. Потери общества от их деятельности составляют 47 фунтов на фунт их собственной прибыли. Рекламщики вносят негативный вклад, поощряя вредное и бессмысленное сверхпотребление британцев [Самые бесполезные профессии, 2009]. Ухаживая за детьми, работники высвобождают время родителям, которые могут продолжать трудиться, а также представляют детям раннее образование и навыки социальной коммуникации вне дома. За каждый фунт, который они получают, воспитатели создают от семи до девяти с половиной фунтов пользы для общества. Самую большую выгоду обществу приносят переработчики отходов – 12 фунтов возврата на один заработанный.

Это исследование разоблечило главный миф – о том, что размер вознаграждения связан с объемом полезности труда, и целый ряд связанных с ним широко распространенных заблуждений. По словам Б. Кагарлицкого, банкиры и в нашей стране зарабатывают непропорционально больше той пользы, которую они приносят, а диспропорция между численностью управленцев и их оплатой и численностью работников, производящих какую-то продукцию или услуги, в России чудовищна [См.: Самые бесполезные профессии, 2009].

Доверие и уважение теперь во многом приходится заслуживать через способность к исполнению своих обязанностей в соответствии с заданными извне индикаторами. Специалисты в той или иной области уже не могут себя ставить «выше» рынка. Исключительность, закрытость и автономия, которыми отличались занятость в медицинской, академической и правовой сферах, заменены культурой перформативности [Dent, Whitehead, 2002]. Профессиональное действие становится, прежде всего, перформативным актом [Butler, 1990]. Исполнители вовлечены в означающие практики, подтверждая свою ценность в бесконечных проверках – только так теперь можно ощутить себя и свою ценность как профессионала [Dent, Whitehead, 2002. Р. 4. Причем касается это как классических престижных профессий, так и малопrestижной и даже «грязной работы» [статья Е.В. Кожевиной в этой книге], а также «хорошо забытых старых» видов занятости, активно нарабатывающих свои статусные ресурсы в сложных отношениях между государством, рынком и другими профессионалами [статья Е.П. Сало в этой книге].

Аспекты, или как пишет Хьюз «ингредиенты» профессионализации, – это повышение академичности, увеличение срока профессиональной подготовки, конкуренция за таланты и клиентуру, развитие новых образцов организации, со свойственными им различными формулами свободы и контроля. К профессионализму своих служащих апеллируют организации и работодатели как к ресурсу своего социального капитала, ожидая от них такие качества, как ориентация на потребителя, гибкость и командный подход, приверженность постоянному обновлению знаний и навыков, ориентация на рынок; управление и предпринимательство играют более важную роль, чем привилегированные статусы, стабильное положение и исключительные знания прежней кадровой элиты [Dent, Whitehead, 2002. Р. 3]. Некоторые занятия открывают двери во взрослый мир, позволяя обрести власть и контроль, а другие могут оказаться чрезмерно жесткими бюрократическими инстанциями. Гибкость границ профессии и занятости может приводить к уязвимости работника, а может стать дополнительным ресурсом [статья В. Кузокреа в этой книге].

«Продвигаться наверх» можно индивидуально, а можно вместе с профессией, представители которой предпринимают усилия для повышения престижности и успешности своего «цеха», следят, чтобы он шел в ногу со временем и отвечал меняющимся потребностям своих клиентов. Для этого, пишет Э.Ч. Хьюз, нередко даже самые закрытые священные угодья (это вовсе не обязательно касается только престижных родов занятий) могут открывать свои двери чужакам – исследователям социальных отношений и институтов, формальных и неформальных правил игры [статья Хьюза «Профессии в обществе» в этой книге].

Характерными чертами профессионалов, среди прочих, традиционно считались высокий доход, престиж и относительная свобода от внешних оценок и контроля. В этом смысле профессионалы ориентированы в большей степени на свое сообщество, коллег, нежели на широкую публику, но эти эгоистические и цеховые интересы подавляются (по крайней мере, в теории) этическими кодексами и альтруистической мотивацией, а кроме того, удовлетворение общественных интересов поощряется и вознаграждается как символически, так и монетарно [Saks, 1995]. «Новый профессионал» должен выполнять свои обязанности, поддерживая добрые отношения с потребителями и демонстрируя предпринимательские способности. Работе специалиста, занятого в бюджетной сфере, особую остроту придают постоянные замеры эффективности» [Dent, Whitehead, 2002. Р. 2] там, где необходимо отвечать растущим требованиям в условиях

уменьшающихся ресурсов [см. об этом: Романов, Смирнова, Ярская, 2008]. Вместе с тем, как полагает Э.Ч. Хьюз [см. обе его статьи в этой книге], парадокс может состоять в том, что автономия – свобода выбирать свою особую линию работы в дискуссии с компетентными коллегами, оттачивая знание и мастерство, иметь доступ к соответствующим клиентам и оборудованию, организовывать свое время и усилия так, чтобы достигать поставленных целей, а также независимость от обычаев и мнений клиентов может быть выше у тех профессионалов, у которых есть работодатели и которые работают в сложных и даже бюрократических организациях, нежели у тех, кто, согласно традиционному пониманию, вовлечен в независимую практику. Возможно, здесь могут появиться инноваторы, которые изобретут новые способы предоставления высококвалифицированных услуг каждому человеку, независимо от платежеспособности. И тогда можно ожидать, что профессиональная совесть – суперэго – многих занятий, по мнению Хьюза, разовьется среди профессионалов, «работающих в сложных средах, ведь им, чтобы выжить, приходится быть чувствительными к большему числу проблем и большему многообразию точек зрения» [см. статью Хьюза «Профессии» в этой книге].

Новые профессионалы, по мнению Дента и Уайтхеда, являются порождением фордистского типа управления, идеи которого устарели, однако методы остаются востребованными довольно широко в современных организациях: именно фордизм породил маскулинную соревновательную организационную субкультуру и веру в волшебные свойства всеобщего контроля, в объективные измерения эффективности, личностных качеств и профессиональных достижений [Dent, Whitehead, 2002. P. 6]. Впрочем, интеллектуалы, подвергаемые во многих организациях сверхэксплуатации ввиду размывания рабочего и свободного времени, вырабатывают своеобразные защитные механизмы. Например, через обратную экспансию досуга, наподобие партизанской войны – когда на работе играют в компьютерные игры, незаметно от начальства. Средний класс, таким образом, становится одним из новых очагов сопротивления, начиная осознавать себя как наемный труд [Кагарлицкий, 2012].

В этом мире соседствуют высокие технологии и растущая информализация рынка труда, и сектор официальной занятости – это лишь «архипелаг, окруженный океаном неформальной занятости, который постоянно угрожает поглотить эти островки относительной стабильности и благополучия» [Райдер, 2012; см. также: Дэвис, 2008]. По контрасту с марксовым пролетариатом, массы людей пополняют новый неустойчивый класс «прекариат» с недостаточным

Те самые профессии: шкалы престижа и рамки публичности

доходом, без страховки и гарантии рабочего места, а также без устойчивой идентичности. Происходят они из разных слоев общества: не обязательно из «люмпенов» или безработных, далеко не все они ощущают себя частью организованного рабочего движения, хотя уже становятся «классом, все более способным идентифицировать свои желания сопротивляться и создавать» [Standing, 2011. P. 155]. Часть этих людей формирует и образованный слой «разгневанных горожан», проявивших себя зимой 2011-12 годов на улицах Москвы, и выразивших свое неприятие сложившимися формами государственного контроля в обществе.

Участвуя в построении социального благополучия, способствуя его стабильности и процветанию, они редко встречают достаточную оценку своих усилий. Вместо этого усиливается контроль за их деятельностью со стороны разных агентов, давление со стороны клиентов и администраторов, растут риски, увеличиваются нагрузки и стрессы на рабочем месте.

Борьба за признание

Адам Смит верно подметил, что пренебрежение к риску и преувеличенная надежда на успех, перевешивая опасение потерпеть неудачу, наиболее всего проявляются в молодом возрасте, когда мы выбираем себе профессию [Смит, 2007. С. 156]. В современных условиях даже, казалось бы, на спокойной работе, уровень стресса постоянно растет, что ведет к ухудшению здоровья и благополучия в целом. Например, три четверти (77%) мужчин в России (к сожалению, данные о женщинах не приводятся) испытывают стресс на работе, - к такому выводу пришли аналитики компании HeadHunter, в апреле 2011 года опросив при помощи интернета 3000 респондентов [Три четверти мужчин... 2011]. Стресс возникает как по причине тяжелых физических нагрузок, так и в условиях напряженного эмоционального труда. Концепции эмоциональной работы и эмоционального труда, разработанные Арли Рассел Хохшильд, обладают важным объяснительным потенциалом в исследовании многих профессий или видов занятий [статья О.А. Симоновой в этой книге].

По данным опроса «Стресс в Америке», проведенного в 2010 году Американской психологической ассоциацией, работа является основным источником стресса для 70% жителей США и вторым по силе стрессогенным фактором после денег (76%), опережая экономику в целом (65%) [Key Findings...]. Комментируя эти данные, авторы связывают их, в частности, с последствиями рецессии, однако

отмечают, что работа традиционно служит источником стресса для американцев.

Для оценки стрессогенности профессией в ежегодном опросе крупнейшего американского портала поиска работы Career Cast [См. Jobs Rated Methodology, 2011; см. также Радюк, 2010] используется следующий перечень причин стресса: командировки, дедлайны, потенциал роста (включая карьеру и доход); физические условия (поднятие тяжестей, сгорбленная поза, подъём на высоту и проч., требования к силе, выносливости и скорости, переработки); работа в помещении или на улице, использование машин и оборудования; требования к скорости; эмоциональные средовые факторы (соревновательность; риск для собственной жизни; риск для жизни других людей, контакт с публикой, в том числе работа на виду у других); требования к точности и к проявлению инициативы; ограничение свободы; детализированность деятельности. Например, работник, занимающийся статистическими вычислениями, занимает нижнюю позицию в списке, тогда как пожарный – наиболее высокую. Понятно, что в каждом случае стресс будет зависеть от конкретных условий работы, задаваемых боссом, сотрудниками, способностями и множеством других факторов.

Среди наименее стрессогенных рабочих профессий оказались, например, мастер по ремонту музыкальных инструментов, библиотекарь, бухгалтер, настройщик роялей, уборщик. К наименее стрессовым беловоротничковым профессиям в 2011 году отнесены аудиологи, занимающиеся диагностикой и лечением болезней органов слуха, диетологи, компьютерщики, стоматологи-гигиенисты, логопеды, философы, математики, трудотерапевты, хиропрактики. Впрочем, в своих комментариях представители этих видов занятий оспаривают низкую оценку, указывая на стрессовые условия их труда или невозможность найти работу по специальности, отсутствие страховки, плохой менеджмент и так далее.

К десяти наиболее стрессогенным беловоротничковым профессиям в 2011 году отнесены пилоты, специалисты по PR, руководители фирм, фотожурналисты, новостные редакторы-дикторы (newscaster), специалисты по рекламе, архитекторы, биржевые брокеры, врачи скорой помощи и риэлторы. К наиболее стрессогенным рабочим профессиям отнесены: пожарники, таксисты, полицейские, патрульные на дорогах, лесорубы, офицеры исправительной системы, металлисты, бригадиры строителей, укладчики крыш [Brienza, 2011]. Результаты исследования с волнением обсуждались людьми, возмущенных тем, что их проигнорировали, «не посчитали». Высказывались не только представители тех профессий, которые широко

Те самые профессии: шкалы престижа и рамки публичности

признаются в качестве высокорисковых (военные, шахтеры), но и судебные репортеры, и электрики, и даже повара.

Санитарки и сиделки (caregivers) жаловались на тяжелую и грязную работу по уходу за больными, высокую нагрузку, низкую оплату труда – и одновременно на низкий статус своей работы [Здесь и далее цитируется онлайн обсуждение с ресурса «Десять наиболее стрессовых работ», см.: Brienza, 2011]:

Мы в самом низу пищевой цепочки. Каждый имеет право нам приказывать – постояльцы, их семьи, администраторы, врачи – любой – а мы должны принимать все с улыбкой... Но я закончила колледж, мне не повезло, сильно болела, и вот я делаю то, что «не хотят делать американцы». Кстати, большинство моих сотрудниц из других стран – легально....

Хотя коллеги санитарок и сиделок – медсестры, также вовлеченные в работу, связанную с уходом и заботой, обладают более высоким статусом (многие медсестры за рубежом имеют высшее образование), но страдают от стресса не в меньшей степени:

Чем только нам не приходится заниматься!!! Пациенты, их семьи, врачи, других специалисты... А больничная администрация говорит нам больше работать с бумагами, проводить больше времени с пациентом, делать так, чтобы пациенту и семье здесь понравилось – и все это нужно успеть... Почему мы не в этом списке? Я думаю, этот список недействительный!

Работники отделов по клиентским претензиям (customer service) также критикуют рейтинг и претендуют на признание своей работы в качестве высокострессовой: «ты должен быть «любезным» и профессиональным, даже если человек кричит и проклинает тебя почему зря. Попробуйте-ка поработать так восемь часов в день».

Как можно заметить, представители тех или иных родов занятий, профессий настаивают на распознавании их профессий не просто как стрессовых, но чрезвычайно важных, то есть речь идет о претензиях на более высокую степень престижа, основанную на общественном признании. Требуя выполнения своеобразного общественного договора – как бы говоря: «мы рискуем и нагружены сверх меры, и обществу следует это признать», – участники дискуссии в публичной сфере применяют приемы убеждения, сравнивая свою профессию с другими. Среди участников заочной дискуссии были и те, кто критически отзывался о включении в список стрессовых профессий, например, полицейских:

Все мы видели жирных разгильдяев в полицейской форме на улицах. Только представьте, что полиция стыдится показать публике, и их низкострессовые и безопасные административные посты с высокой зарплатой и пенсией.

Некоторые виды занятий представляют серьезные риски для здоровья. Люди, работающие парикмахерами, фермерами, пожарными, металлургами, в деревообрабатывающей промышленности, сельскохозяйственные работники, которые подвержены постоянно воздействию пестицидов, а также спасатели рискуют заболеть множественной миеломой больше, чем представители других профессий, доказали американские ученые [Парикмахеры... 2011]. Еще одна опасность – депрессии. Наиболее всего подвержены этому риску занятые в сфере оказания услуг – сиделки и няни, работники общественного питания, социальные работники и медицинский персонал. Согласно опросу 60 тысяч работающих людей в возрасте от 18 до 64 лет в США, почти 11% занятых в сфере по уходу за пожилыми, больными и детьми ежегодно страдают от депрессии в течение двух и более недель. На втором месте – официанты, повара и бармены: 10,3% из них были подвержены снижению настроения, которое сопровождалось нарушением сна, потерей аппетита и ухудшением концентрации внимания. На третьем месте – работники социальной сферы и здравоохранения – около 9,6% из них страдает от депрессии. В наименьшей степени подвержены депрессии архитекторы, инженеры и ученые (4,3%) [Самые депрессивные..., 2009].

Проблемы стресса признаются рядом современных правительств в качестве источника социальных проблем, угрозой благополучия граждан, и, что самое важное, объектом специального государственного регулирования. Так, в 2010 году тогдашний министр труда Франции Ксавье Дарко предложил государственный план по борьбе со стрессом на работе, согласно которому крупные работодатели подпишут специальное соглашение и будут активнее заниматься профилактикой стресса на работе, а в министерстве будет создан специальный департамент [Глазкова, 2010]. Правда, лишь половина всех компаний выразили готовность поддержать инициативу властей.

Но что позволяет людям заниматься стрессогенной и утомительной работой – только ли отсутствие альтернатив? Что их удерживает вместе, позволяя ощущать приверженность – незримый колледж или цеховая солидарность? Чувства сплоченности и приверженности порождаются условиями плотного социального и телесного надзора; взаимовыручка, высокая автономия и связанная с

ней ответственность в процессе труда снижают степень отчуждения от рутинной работы [статья Р.Н. Абрамова в этой книге].

Профессии являются продуктом научного, технологического развития и социальных изменений [статья Э.Ч. Хьюза «Профессии» в этой книге], в том числе меняющихся общественных запросов. В свою очередь, представители профессий стараются убедить окружающих в экспертном характере их знаний и практики, повышая тем самым статус и создавая общественные потребности в своих услугах.

Разделение труда ограничивается лишь размерами рынка, писал Адам Смит в 1776 году [Смит, 2007]. В отелях, крупных торговых центрах или дорогих бутиках сегодня могут нанять лифтовых леди, желающих пассажирам доброго пути, выравнивателей обуви и разравнивателей подушек, сборщиков конструкторов для витрин детских магазинов, служащих для показательных выволочек перед клиентами, на шоу-мероприятиях – клакеров; специальные агентства могут предоставить услуги стоятелей в очереди и родственников по вызову, глянцевого журнала приглашают на должность тестера пляжей, а курорты и аквапарки – тестеров водных горок.

То и дело появляются удивленно-восторженные посты в Интернете, выпускаются книги и фотоальбомы с многочисленными списками «смешных», «необычных», «странных и очень странных» профессий [Необычные профессии, 2011; Самые смешные... 2010; Шифф, 2007; 2007а]. Блоггеры забавляют названия из официальных классификаторов – ведь большинство из перечисленных там видов занятий относятся к узким специализациям рабочих и служащих [Общероссийский классификатор..., 2003]. Можно лишь догадываться, чем занимается, скажем, аппаратчик мокрой классификации или бригадир двора изложниц, вздымщик или главный специалист по технике консервации телевизионных программ, демонстратор пластических поз или испытатель бумажных мешков, капитан сдаточный или круговоротчик, машинист насосной станции для закачки рабочего агента в пласт или оператор джинного оборудования, порционист лао-ча или посланник, раздирщик пакетов или стереотипер [Смешные профессии...].

Кстати, таинственный «демонстратор пластических поз» есть никто иной, как натурщик. Согласно официальной инструкции, от такого работника требуется в неподвижном состоянии в течение длительного времени показывать различные позы тела – как в одежде, в том числе особых костюмах, так и обнаженном виде – в творческих и учебных мастерских, классах, ателье, студиях и на пленэре для создания произведений живописи, скульптуры, графики и другого вида изобразительного искусства. Натурщик должен быть хо-

рошо подготовлен к своей деятельности, хотя выдержать неподвижно в довольно неудобном положении все равно будет сложно. А ведь нередко требуется еще и сохранять определенное выражение лица, одним словом, живого образа в застывшем положении. Должностная инструкция приводит целый ряд компетенций – знаний и умений, которыми следует обладать натурщику. Несмотря на свою популярность среди студентов, которые нередко подрабатывают, позируя учащимся или профессионалам, внутренний мир этой работы остается в тени домыслов и мифов. Между тем, это довольно древний род занятий, со своим фольклором и правилами, переживаниями и испытаниями. Как и у артистов балета и спортсменов – именно тело здесь является главным инструментом, той формой, которую воспринимают окружающие [Натурщики...].

Взгляд на практики представителей тех или иных родов занятий и профессий как на источник фольклорного материала, а также на образ жизни профессионалов как воображаемого сообщества, стереотипно представляемый в публичной сфере, позволяет проанализировать преемственность культурных форм, а также вскрыть противоречивые особенности, например, профессиональной субкультуры балетных [статья И.Н. Райковой в этой книге]. Профессиональная культура артистов балета тесно сопряжена с особым ощущением и пониманием тела и телесного опыта. Символизируя собой грациозность и легкость, женщины и мужчины, работающие в балете, подвергаются постоянному риску и приобретают весьма болезненный опыт. Феноменологический подход к исследованию повседневности этой физически и морально тяжелой, хотя и творческой работы, полной стрессов и рисков, позволяет высветить важную роль боли, травм, диеты в формировании профессиональной идентичности [Aalten, 2007]. Отношение танцоров к боли можно понять, обращаясь к категориям дисциплины и власти, гендера и субъектности, социальных иерархий, знания и дискурса, конкуренции и солидарности. Исследователи, применяющие эти подходы, показывают, что боль занимает в этой профессиональной культуре настоящее центральное место, что воспринимается как неотъемлемая часть идентичности и карьеры, представляясь «знакомцем, постоянно заглядывающим через плечо», усиливаясь, подстрекаясь и контролируясь эстетикой и техникой, институтами и культурой балета с его центральной ментальной формулой «без боли нет успеха» [Martin, 2009]. Как и в профессиональном спорте, боль, травмы и старение выступают лейтмотивом в жизненном опыте артистов, причем травмы понимаются как знак профессиональной приверженности и вызывают чувства солидарности в сообществе [Turner, Wainwright, 2003].

В современном неустойчивом мире понятия профессий и занятости наполняются новыми значениями, их границы перечерчиваются. Новые вызовы со стороны рынка, государства и гражданского общества влияют на жизненные шансы людей. Сталкиваясь с реформами по сокращению социальных расходов, они испытывают на себе все большую коммодификацию всех социальных связей, рост нестабильности и усиление трудовых нагрузок. Идентичность работника как профессионала оказывается гибкой и негарантированной, а выбор специальности, подготовка и поиск работы – отнюдь не связанными между собой актами.

Речь идет и о том, ощущает ли себя в безопасности работник, чьи собственные ресурсы защиты от стресса вступают во взаимодействие с социальными, политическими и культурными факторами окружающей среды – в том числе условий труда, менеджмента, общественных ожиданий и признания. Ключевые дебаты вокруг стресса на работе и основные направления регулирования этой проблемы разворачиваются в специфическом сегменте рынка труда, связанном с крупными работодателями, хорошо известными и более-менее признанными видами занятости. Менее статусные и маргинализованные группы не только обделены вниманием со стороны публики и СМИ, они оказываются менее защищенными, у них нередко отсутствуют гарантии со стороны государства и работодателя, их характеризует слабая степень сплоченности. Социальное государство, порой, обтекает их, включая в постоянно воспроизводящиеся и новые структуры неравенства. Антропологические исследования профессий позволяют заглянуть в те окраинные области рынка труда, которые закрыты от внешнего взгляда, и обнаруживают там сложно устроенные внутренние миры, населенные людьми, чья работа востребована, но лишена признания. Это, по меткому выражению Хьюза, точки наименьшего престижа, как правило скрытые от внимания исследователей, тоже «самые-самые» профессии – но с другого конца, из нижней части воображаемой пирамиды власти, ресурсов и статусов.

Идея этой книги состоит в попытке обсуждения трех перспектив, или оптик исследований профессий для лучшего понимания тех процессов на рынке труда, в сфере занятости, которые мы наблюдаем сейчас в условиях турбулентности в экономике и обществе. Первая перспектива – это рефлексия интерпретативных подходов, позволяющих проникнуть за туманы объяснений и самооправданий, традиционно окутывающих жизнь организаций и сакрализирующих деятельность профессионалов. Именно эти подходы позволяют го-

ворить об антропологическом взгляде, преимущества которого обсуждаются в статьях первого раздела книги. Вторая перспектива соединяет неовеберийский подход к социологии профессий с аналитическим фокусом на динамику социальных трансформаций. И, наконец, третья – максимально предметная и детализованная – представляет поле применения микроуровневого анализа частных пространств, в которых осуществляется повседневная рутина профессиональной деятельности, и тех макроконтекстов публичного восприятия, где производится мифологизация «образа жизни» профессионального сообщества.

Список источников

10 самых востребованных профессий будущего // <http://www.keywork.ru/journal/131.php>.

35% граждан доверяют полиции. 06.04.2011 // Общественный вердикт <http://www.publicverdict.org/topics/found/9226.html>.

Глазкова Т. Франция бьет по стрессу. 19.02.2010 // <http://www.rbcdaily.ru/2010/02/19/world/460112>.

Доверие 2011 // Ридерз Дайджест 18.09.11// <http://www.rd.ru/doveriye-2011/>.

Доверие к МВД у населения упало ниже плинтуса // Курс.ру. 31.03.2012 // <http://kurs.ru/articles/obshchestvo/2012/03/31/14250.html>.

Дэвис М. Планета трущоб // Логос № 3 (66). 2008. С. 108-129 // http://scepisis.ru/library/id_2628.html.

Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. М.: Алгоритм, 2012.

Куда приводят мечты (Источник: проект "Доминанты", опрос "ФОМ-нимбус", 30 мая 2011, 6 июня 2011) // <http://fom.ru/obshchestvo/10046>.

Натурички. По ту сторону мольберта. Тело как образец // <http://artistsmodel.narod.ru/>.

Необычные профессии 05.09.2011 // <http://chynga-changa.ru/interesnyie-mesta-mira/neobyichnyie-professii/>.

Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) (принят постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. N 367) (с изменениями NN 1/96, 2/99, 3/2002, 4/2003) // <http://www.jobway.ru/classes/>.

Опрос: Доверие россиян к полиции растет // Взгляд: деловая газета. 20.10.2011 // <http://vz.ru/news/2011/10/20/531951.html>.

Парикмахеры, фермеры и плотники теперь в списке опасных профессий. 26 Августа 2011 <http://www.kp.ru/daily/25742/2731109/>.

Радюк О. Работа и стресс: какие профессии наименее стрессогенны? 19.05.2010 // <http://stress.by/news/>.

Те самые профессии: шкалы престижа и рамки публичности

Райдер Д. Информализация труда: экономическая логика современного капитализма. 31.03.2012 // www.socsopr.ru/analiz/informalizacziya_truda_ekonomicheskaya_logika_sovremennogo_kapitalizma.html.

Романов П.В., Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Новый социальный менеджмент и реформы российской социальной политики // Мир России. № 3. 2008. С. 109-131.

Россияне не доверяют правоохранительным органам // Аналитический центр Юрия Левады. 16.02.2010 // <http://www.levada.ru/16-02-2010/rossiyane-ne-doverayuyut-pravookhranitelnyim-organam>.

Самые бесполезные профессии. 16.12.2009 // <http://fintimes.km.ru/karera/rabota/9025>.

Самые востребованные профессии // <http://mirsovetov.ru/a/miscellaneous/employment/top-profession.html>.

Самые депрессивные профессии (рейтинг). 21 Мая 2009 // <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=184404>.

Самые перспективные профессии: между мифом и реальностью // <http://www.ucheba.ru/prof-rating/11552.html>.

Самые смешные профессии в туристической сфере // Окружающий мир. 02.03.2010 // http://infmir.ru/articles/world_profession_funny/.

Смешные профессии <http://talks.guns.ru/forum/15/169377.html>.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

Три четверти мужчин испытывают стресс на работе // HeadHunter апрель 2011. <http://hh.ru/article.xml?articleId=2168>.

Key Findings // American Psychological Association <http://www.apa.org/news/press/releases/stress/key-findings.aspx/>.

Шуфф Н.Р. Очень странные профессии. Красная книга «редких специальностей». М.: Добрая книга, 2007а.

Шуфф Н.Р. Странные профессии. Красная книга «редких специальностей». М.: Добрая книга, 2007.

A Bit Rich. Calculating the real value to society of different professions // New Economics Foundation. 14.12.2009 // <http://www.neweconomics.org/publications/bit-rich>.

Aalten A. Listening to the dancer's body // Sociological Review. 2007. Vol. 55. № 1. P. 109-125.

Brienza V. The 10 Best Jobs of 2012 // www.careercast.com/jobs-rated/10-best-jobs-2012.

Brienza V. The 10 Most and Least Stressful Jobs of 2011 // <http://www.careercast.com/jobs-rated/10-most-stressful-jobs-2011>.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, Routledge, 1990.

Dave King. So what are the UK's most disrespected professions? Friday, August 05, 2011// <http://peekay-passingshots.blogspot.com/2011/08/so-what-are-uks-most-disrespected.html>.

Dent M. and Whitehead St. Introduction. Configuring the 'new' professional // *Managing Professional Identities. Knowledge, performativity and the 'new' professional* / ed. by Mike Dent and Stephen Whitehead. London and New York: Routledge, 2002. P. 1-16.

Dingwall R. *Essays on Professions.* Aldershot: Ashgate, 2008.

Goode L. Jürgen Habermas. *Democracy and the Public Sphere.* London, Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2005.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society.* Cambridge, Mass: The MIT Press, 1991.

Jobs Rated Methodology, 2011 // <http://www.careercast.com/jobs-rated/2011-jobs-rated-methodology>.

Martin R. Pirouetting with pain: Attitudes surrounding female ballet dancers dancing with pain // *Proceedings of the International Symposium on Performance Science 2009* / ed. by Aaron Williamon, Sharman Pretty and Ralph Buck. Utrecht, The Netherlands: European Association of Conservatoires, 2009. P. 333-338.

North C., Hart P. K. *Jobs and Occupations: A popular evaluation* // *Opinion News,* 1949. № 9. P. 313.

Resnik J., Curtis D. *Representing Justice: Invention, Controversy, and Rights in City-States and Democratic Courtrooms.* New Haven and London: Yale University Press, 2011.

Saks M. *Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine.* London: Routledge, 1995.

Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class.* London: Bloomsbury Academic, 2011.

Treiman D.J. *Occupational Prestige in Comparative Perspective.* New York: Academic Press, 1977.

Turner B.S., Wainwright St.P. *Corps de Ballet: the case of the injured ballet dancer* // *Sociology of Health and Illness.* 2003. Vol. 25. № 4. P. 269–288.

Warner M. *The Mass Public and the Mass Subject* // *Habermas and the Public Sphere* / Ed. by C. Calhoun Massachusetts Institute of Technology, 1992. P. 377-401.